

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Светланы Семеновны Мусановой
«Русский фольклор в традициях прилузских коми»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.**

Диссертация Светланы Семеновны Мусановой состоит из Введения, трех глав: I. «*Фольклорный текст свадьбы прилузских коми: соотношение коми и русского фольклора*»; II. «*Русские хороводно-игровые и плясовые песни в репертуаре прилузских коми*»; III. «*Русские лирические необрядовые песни в репертуаре прилузских коми*»; Заключения; перечня архивных источников, списка условных обозначений и сокращений; библиографии и карты Прилузского района Республики Коми. Имеются также пять приложений, в которых приводятся тексты свадебных причитаний и песен, хранящихся в архивах, дается схема свадебного обряда, публикуются указатели сюжетов хороводно-игровых, плясовых и лирических необрядовых песен, рассказывается о собирании и издании фольклора прилузских коми и т.д.

В диссертации исследуется две чрезвычайно актуальные проблемы: межэтнические историко-культурные контакты и своеобразие локальной традиции.

Во **Введении** говорится об истории заселения и освоения Прилузской территории и большой роли в этом процессе русских, о влиянии русской культуры на коми. Внутри Прилузья существуют две коми фольклорные традиции: более мощная летская и менее мощная лузская.

Подробно освещается собирательская работа в данном регионе, начавшаяся еще в 1827 году и продолжающаяся по сегодняшний день. При этом диссертант отмечает, что большая часть записанных текстов неопубликовано, а поэтому этот материал необходимо, во-первых, систематизировать и, во-вторых, ввести в научный оборот.

Четко сформулированы С. С. Мусановой такие необходимые для Введения рубрики, как актуальность темы диссертации, ее объект, предмет, цель и задачи, научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость исследования, степень изу-

ченности диссертационной темы, основные положения, выносимые на защиту, методы исследования. Диссертант выявила и обобщила большой корпус фольклорных материалов, хранящихся в восьми архивах Сыктывкара, Кирова, Санкт-Петербурга. Следует отметить, во-первых, что Светлана Семеновна и сама принимала участие в собирательской работе в Прилузском районе; во-вторых, она переводила на русский язык ряд коми фольклорных текстов и комментарии исполнителей. В разделе «Теоретико-методологическая основа исследования» перечислен большой круг видных фольклористов-словесников, этнографов, этномузыковедов, лингвистов, чьи методологические и теоретические изыскания использованы в диссертации. В разделе «Апробация работы» отмечено, что по диссертационной теме было сделано 21 доклад на различных научно-практических конференциях и имеется 21 публикация, в том числе в печати находится книга «Фольклор прилузских коми: справочно-аналитические материалы».

Первая глава диссертации С.С. Мусановой посвящена изучению свадебных причитаний и песен прилузских коми. Здесь диссертант подробно перечисляет и дает характеристику архивным материалам, как описаниям обряда, так и фольклорным текстам, в большинстве своём исполняемым на коми языке. При этом огромный хронологический диапазон анализируемых записей (более 180 лет), как утверждает диссертант позволяет «не только реконструировать структуру обряда, но и провести сравнительно-сопоставительный анализ выявляемых временных срезов» (С. 31).

Именно в данной главе С.С. Мусанова, вслед за Ф.В. Плесовским, отмечает различия лузской и летской традиций в причитаниях, но неясно, в чем заключаются эти различия. Возможно, в том, что в лузской традиции зафиксировано значительно больше русских текстов (С.34). Также непонятно, что имеет в виду С.С. Мусанова, утверждая, что «у летских коми не нашел распространения жанр свадебных песен, который бытовал у лузских коми» (С. 31)? Не противоречит ли это выводу из первой главы, согласно которому «проникновение этого жанра в свадебную традицию прилузских коми не произошло» (С. 74)?

На 32 стр. сказано, что чаще невеста голосила вслед за причитальщицей, но нет никаких сведений, кто такая эта причитальщица? Имелись ли в деревнях профессио-

нальные плакальщицы, которые могли принимать участие и в похоронной обрядности, или причитал кто-то из родни невесты? Также не отмечено, были ли такие моменты свадебного ритуала, когда голосила только невеста (например, при расплетении косы перед баней)?

Подробно рассматривает диссертант причину того, что если причитания у прилузских коми исполнялись как на родном, так и на русском языках, то свадебные песни, как правило, – на русском, что еще раз подтверждает то, что эти песни не вошли в репертуар прилузских коми..

Далее С.С. Мусанова выделяет разные моменты свадебного ритуала, в которых звучали причитания, перечисляет и анализирует основные мотивы плачей. «Тот факт, – пишет диссертант, что русскоязычные причитания существовали наряду с комиязычными, чередуясь с ними в обряде, а также перевод русскоязычного причетного текста на родной язык позволяют нам говорить об осмысленном воспроизведении “чужих” текстов, о творческом восприятии иноэтнического как своего» (С. 53). Кроме того, в ряде причетов на коми языке присутствует ряд устойчивых формул, заимствованных от русских.

Интересно наблюдение Светланы Семеновны, что у прилузских коми отсутствовали, столь популярные у русских корильные песни, и корильные мотивы звучали в свадебных причитаниях (С. 63).

Ничего не сказано в диссертации о венчании. Существовали какие-то особые обряды, суеверия, связанные с этим обрядом?

Вторая глава посвящена специфике бытования русскоязычного песенно-игрового фольклора у прилузских коми, приуроченного главным образом к Святкам. Основное внимание С.С. Мусанова обращает на малоизученный молодёжный игровой репертуар и на его функционально-бытовую характеристику. Отдельно анализируется хороводно-игровые песни у лузских и летских коми.

А.М. Шёгрэн отмечал, у местных коми существовало в 1820-х гг. колядование, после которого устраивалась молодежная вечерка, на которой пели песни, плясали,

устраи́вали хороводы. Он же приводит сведения о летних молодежных собраниях после Пасхи.

Исходя из более поздних записей, ни обряда колядования, ни исполнение колядок больше не существовало, сохранялось лишь святочное собрание молодежи во все святочные дни с Рождества Христова до Крещения.

В диссертации говорится о праздничном наряде девушек, главных участниц святочных собраний, одетых в сарафаны одинакового цвета для подчеркивания солидарности девичьей группы, для которой эти собрания были «ярмаркой невест». Особого круга рождественских песен не существовало. В святки звучали песни, которые могли исполняться молодежью в любое время года. Почти весь песенный репертуар был заимствован у русских, и многие песни пелись по-русски (только величальные припевки могли звучать на коми языке).

Далее диссертант подробно характеризует весь последовательный круг лузских хороводно-игровых песен, описывает основные разновидности хороводов, способы разыгрывания песенного сюжета, сравнивает содержание прилузских текстов с русским хороводно-игровым репертуаром, рассматривает местные припевочные песни (их еще называют «плясовыми» или «поцелуйными» припевками).

Одни из них полностью заимствованы от русских, другие, отличаются лишь языковыми искажениями, включениями в текст слов и целых предложений из коми языка, наконец, третьи, по словам С.С. Мусановой, напоминают русские песни, «"механизмом" построения подобных текстов» (С. 99). Здесь, как и в свадебных причитаниях, происходит творческое осмысление русской традиции.

Все эти наблюдения и выводы были сделаны диссертантом на лузском материале. У летских коми, как отмечал один из собирателей в середине XIX столетия, не было ни хороводов, ни хороводных песен, ни плясок, а устраивались осенне-зимние посиделки, где пели песни. Однако гораздо позже, в конце XX века и в начале XXI хороводно-игровые песни были здесь зафиксированы.

С.С. Мусанова вслед за Г.С. Савельевой, которая также изучала местный песенно-игровой фольклор, дает его характеристику, делая особый акцент на сравнении песен-

ных сюжетов с русскими вариантами. Диссертант приходит к выводу о различии сюжетов лузских и летских припевок. Если в первых ощущается сильное влияние иноязычной традиции при трансформировании мотивов, образов и даже слов и даже наблюдается угасание посиделочного репертуара, то для вторых характерны незначительное число искажений и большее количество развернутых сюжетов и хорошая сохранность текстов во многом объясняется тем, что кое-где рождественские игрища еще бытуют. В целом летские хороводно-игровые песни гораздо ближе к севернорусской фольклорной традиции из-за тесных контактов с соседними русскими селами Кировской области.

В третьем разделе главы С.С. Мусанова раскрывает специфику усвоения коми населением иноязычных песен. Русский текст мог быть изменен на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Наконец, высшим, творческим уровнем является создание собственных текстов на русском языке. Диссертант отмечает, что в летской традиции, в отличие от лузской, нет трансформированных текстов.

Последний раздел главы посвящен плясовым песням, для которых характерно отсутствие сюжета, быстрая смена образов и особый плясовой ритм. Эти песни исполнялись и на коми и на русском языках. Здесь также летские тексты, заимствованные у русских, усвоены практически без искажений.

Третья глава диссертации, посвящена особенностям бытования и исполнения русских лирических песен. С.С. Мусанова перечисляет многочисленные комиязычные термины, которые применяли к песням их исполнители, что «свидетельствует о процессе глубокого освоения иноязычного фольклора, высокой степени его адаптации» (С. 195). Далее диссертант выделяет и систематизирует сюжетно-тематический состав прилузской лирики, делает сравнительно-сопоставительный анализ с близкими вариантами из русского фольклора. Оказывается в летской традиции бытует более чем в два раза больше заимствованных у русских песенных сюжетов и почти в пять раз больше их вариантов, чем это наблюдается в традиции лузской. При этом только два сюжета одинаковы для двух локальных зон.

Основными исполнителями лирических песен в лужском и летском регионах были женщины. Иногда вместе с ними пели мужчины. С.С. Мусанова выявила лишь одну историческую песню, которую, как это было характерно для общерусской традиции, запевал мужчина.

Диссертант отмечает строгую регламентацию в отношении к пению: нельзя, грешно было петь просто так, без соответствующей причины (свадьба, праздник, вечеринка). Не связано ли это с распространенным у севернорусского населения, особенно у староверов, запретом петь мирские песни в дни поста и в великие праздники?

Хотел бы отметить, что говоря о хороводно-игровых, плясовых и лирических песнях С.С. Мусанова, не указывает, исполнялись ли они под аккомпанемент музыкальных инструментов (гармошки, балалайки, а позднее и гитары).

Недостаточно аргументированным показался мне принцип условного деления прилужского репертуара на пять сюжетно-тематических блоков: *Солдатские (рекрутские), любовные, солдатско-любовные песни, песни с темой замужества или женитьбы и сюжеты семейной тематики* (С. 152 и С. 195).

В.Я. Пропп в статье «Жанровый состав русского фольклора», опубликованной в 1964 году выделяя солдатские песни в особый жанр, писал: «*Предмет этих песен – солдат в быту, в буднях солдатской жизни <...> ... С другой стороны, не относятся к солдатским песням песни девушек и жен, поющих о разлуке с милым, взятым в армию. Такие песни о солдатах не являются солдатскими песнями. Они принадлежат к жанру любовной протяжной крестьянской лирики*» (Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 78). Хотел бы также напомнить принцип «Жанрового и сюжетно-тематического указателя» для русских песен, разработанной Н.П. Колпаковой (см.: Колпакова Н.П. Песни и люди. О русской народной песне. Л., 1977. С. 90 – 96). Здесь среди солдатских песен выделены только две темы: *рекрутство* и *солдатчина*. Поэтому можно говорить о том, что солдатско-любовных песен не существует: тема любви не свойственна солдатским песням. Неудачным представляются и следующие термины: «*песни с темой замужества или женитьбы*» и «*сюжеты семейной тематики*». В указателе Н.П. Колпаковой все русские лирические песни делятся на: 1. *Любов-*

ный тематический цикл (главные персонажи: девушка и юноша); 2. *Свадебный тематический цикл* (свадебные песни: главные герои: невеста и жених) и 3. *Семейный тематический цикл* (счастливы и несчастливый брак для жены и мужа).

С.С. Мусанова обнаруживает в прилузских песнях три пласта сюжетов: 1) песни близкие к русской лирике; 2) песни, в которых сюжет переработан и 3) редкие сюжеты, свойственные только местным коми. По мнению диссертанта, коми репертуар близок к севернорусским, а также пермским традициям. Кроме того, что очень важно, Светлана Семеновна сравнила прилузскую лирику с песнями из другим районов Республики Коми, а также с коми-пермяцким фольклором и обнаружила и там близкие варианты.

Проведенный С.С. Мусановой анализ позволяет ей сделать вывод, что различие между лузской и летской традициями выявляется и в отношении лирической песни. У жителей бассейна реки Лузы часто встречается оригинальная, творческая контаминация заимствованных у русских мотивов, которые к тому же могли реализовываться в разных сюжетах. У летских коми, по мнению диссертанта, во-первых, «бытовали песни с контаминацией разноплановых в сюжетно-эмоциональном плане мотивов» (С. 197); во-вторых, наблюдается «устойчивое использование развернутых поэтических формул» (С. 198).

В **заключении** обобщаются итоги исследования, в частности, еще раз подчеркнуты существенные различия лузской и летской фольклорной традиции, определены пути и перспективы дальнейшего изучения русского фольклора в репертуаре прилузских коми.

В целом диссертация Светланы Семеновны Мусановой - это серьезное, скрупулезное, исследование, автор которого владеет научным стилем речи и умеет грамотно, доходчиво, убедительно излагать свои мысли. Я бы отметил, что диссертант анализирует не только русский фольклор в коми традиции, но и бытование в данном регионе комиязычного фольклора, т.е. можно сказать, что исследование Светланы Семеновны, в известной степени, шире названия работы. Весьма ценны все приложения к работе.

Очень хотелось, чтобы в ближайшем будущем данная диссертация была опубликована в виде монографии.

Однако некоторые положения, кроме уже отмеченных в тексте отзыва, вызывают ряд вопросов и предложений.

С.С. Мусанова ограничивает круг исследования свадебными песнями и причитаниями, лирическими, хороводно-игровыми и плясовыми песнями. Но, на мой взгляд, во Введении следовало бы сказать, хотя кратко, и о других, бытующих в Прилузье жанрах: о календарном и детском фольклоре (здесь интересно было бы узнать, с какого возраста начинается процесс усвоения коми населением русского фольклора), о частушках, о сказках и т.д. В частности, хотелось бы узнать не заменили ли колядки, отмеченные А.М. Шёгренем тексты рождественских христославлений?

Что такое «наблюдные песни», зафиксированный А.М. Шёгренем в 1827 г. (С. 5)? Может быть это «подблюдные» святочные песни?

Почему оригиналы записей Микушева «в настоящее время являются недоступными (С. 7)?

Стоило в число видных исследователей в области фольклора включить Е.В. Гиппиуса, а среди тех, кто занимался или занимается проблемами взаимодействия разных этнических культур назвать московских этномузыковедов: Б.Б. Ефименкову (в списке использованной литературы она есть), Е.А. Дорохову, О.А. Пашину. Я бы не стал называть Ю.Г. Круглова в числе ведущих отечественных специалистов по отдельным фольклорным жанрам, ибо в своих работах он использует классификацию песенных жанров, предложенную Н.П. Колпаковой. Также как-то странным выглядит фамилия Г.А. Левинтона среди ведущих отечественных специалистов в области фольклора и этнографии после В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева, Б.Н. Путилова и др. (С. 18).

Не высказано отношение диссертанта к критике Л.Н. Жеребцова книги Ф.В. Плессовского «Свадьба народа коми» (С. 18).

Почему ряд статей, монографий представителей разных гуманитарных наук попали рубрику *Архивные источники и издания*, а не в *Список использованной литерату-*

ры? А другие же подобные публикации оказались в раздел *Библиография*? При этом одни и те же работы присутствуют в обеих рубриках.

Высказанные замечания нисколько не умоляют значимость представленной на обсуждение диссертации.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертационного исследования. Список публикаций С.С. Мусановой (21 №) значительно превышает необходимое количество. Работа успешно прошла апробацию на многих научных форумах различного уровня.

Диссертационная работа С.С. Мусановой в полной мере отвечает всем основным требованиям Высшей аттестационной комиссии, а ее автор, безусловно, заслуживает искомой степени.

Ведущий научный сотрудник Отдела фольклора
(Пушкинский Дом) РАН, доктор культурологии,
кандидат филологических наук, профессор

А.Н. Розов.

13 апреля 2014 г.

Подпись	
УДОСТОВЕРЯЮ	
И.О. директора	
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук	
«14» апреля	20 14 г.
Подпись	